

ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА

КАРТЫ МИРОВ

Дети Соловорана

16+

Елена Пономарева

Карты миров. Дети Соловорана

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пономарева Е. В.

Карты миров. Дети Соловорана / Е. В. Пономарева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-05088-4

Как выжить в мире, где всегда темно и найти близкого человека, затерянного среди множества реальностей? Это история о девочке-подростке из отсталого мира, волей судьбы попавшей в водоворот межмировых событий. Жизнь героини тесно переплелась с судьбами существ, ставших жертвами игр нового технократического правления, заставив выбрать сторону в войне за ресурсы, в которой противник не гнушается использовать самые страшные средства.

ISBN 978-5-532-05088-4

© Пономарева Е. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1. Есть на свете долина духов	5
Глава 2. В ночи	10
Глава 3. У морской колдуньи	12
Глава 4. Капитан Дагон	17
Глава 5. Продавцы Порроков	21
Глава 6. Карта и казнь	27
Глава 7. Потерянные в темноте	30
Глава 8. Возвращение на корабль	33
Глава 9. Шторм	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Есть на свете долина духов

Как-то заблудившийся теплый южный ветерок влетел в желтеющий лес. Он свернул за меловую гору и оказался на широкой равнине, разделенной тонкой ниткой ручья.

Ручей почти пересох за лето, но теперь, когда на дворе стояла туманная осень с её проливными дождями, он стал похож на маленькую речку. Холодные потоки лились тягучими студеными косами, неся с собой аромат прелых трав. Вдоль ручья по пологим берегам, покрытым желтым мхом, стояли заросли ольхи и дерна. Вдалеке виднелась тихая деревушка, разбросанная вдоль глубокого оврага. Земляные насыпи домов, покрытые камышом, оцепенели в ожидании предстоящего дождя. Ветер с налёту споткнулся о край крыши, увитой стеблями дикого чеснока, задрал солому и помчался лавой вниз, цепляясь за кусты розового шиповника. Крупные ягоды, вперемешку с листьями, рдевшими пожаром, покачивались на ветру, издавая тихое шуршание.

С той стороны чаши от хвойного леса начиналась тропа. Она пересекала деревенку насквозь, извиваясь между невысокими хижинами. За крайним домом тропа резко распрямлялась, как стрела, неожиданно заканчиваясь у почерневшей от времени крепкой бревенчатой хижины. То было единственное в этих краях большое строение из брёвен. Непохожее и одинокое, оно стояло черной сопкой недалеко от ручья. Между брусьями виднелся выпветший от дождя и солнца мох. Местами он висел лохмотьями, напоминая растрепанные космы лесной колдуньи. Наверху дома лежала крытая дёрном крыша, – высокая и кривая, она была похожа на остов древнего корабля, неведомо откуда взявшегося в этом заброшенном краю. Местная детвора стремилась попасть в это таинственное жилище разными способами. Большой частью, они с большой охотой несли подношение от своей семьи с надеждой услышать необыкновенные, пахнущие далёким солёным морем, истории.

Вдруг на серой тропинке, поросшей желтой травой, появились три деревенских мальчика. Бронзовые тела были обмазаны красной глиной, так, что они могли не бояться ветра. В руках у старшего был пахучий, завёрнутый в папоротник горшочек с пряной едой. Осторожно ступая крепкими босыми ногами, они стремились обогнать дождь. Громко обсуждая последнюю новость, мальчики шумно подошли к хижине. Вход был занавешен старой воловьей шкурой, скрывавшей дощатую дверь. Дверь была особым предметом восхищения деревенских, так как висела не на кожаных ляжках, как у всех, а крепилась металлическими петлями.

Войдя внутрь, они увидели непривычную для них обстановку. Развешанные по стенам дома травы и корни издавали головокружительные ароматы. Резкий запах дикой полыни смешивался с запахом мяты и корицы, а высокогорный имбирь с терпким духом драгоценного женьшеня. Посредине жилища стоял темный старый очаг. Около него сидела старая женщина, одетая в тканую одежду из крапивы. Тонкие высохшие запястья были перехвачены черными амулетами, издававшими при движении странные, чарующие звуки. То была хозяйка жилища, старая шаманка Шуе, обитавшая в этом доме много лет, с тех самых пор, когда дикие кабаны протоптали дорогу в нижний овраг. При виде детей она зашевелилась, повернула голову, и сетка глубоких морщин расплылась в широкую улыбку. Раздался голос, который звучал тихо, но властно. "Заходите, заходите, – довольно пробурчала она, с трудом поднимаясь. – Ставьте горшок и садитесь!". Она медленно двинулась навстречу детям. Старший мальчик, который принес еду, подхватил у младшего горшок с углями и высыпал их в очаг, где уже лежали сухие дрова. Из приоткрытой двери дунул шальной ветерок, и угли разгорелись огнем, быстро пожирая сухие ветки. Дым медленно потянулся вверх, распространяя по хижине приятное тепло.

Шуе достала котелок, который лежал среди прочей утвари, и вылила туда принесённую похлебку. По комнате разнесся запах баранины с гречневой кашей и чесноком, от которого у

детей потекли слюнки. Бабушка улыбнулась, видя их заинтересованные лица, и достала три деревянные плоские. Младший нерешительно подался вперед, но старший его остановил.

"Нечего стесняться, – сказала старая женщина. – Садитесь, ешьте!"

Дети дружно взяли в руки предложенную еду и с удовольствием обмакивали кусочки лепёшки в густую кашу. Быстро насытившись, они выжидательно уставились на хозяйку, почти гипнотизируя её.

– Ну, что вам еще? – спросила она.

– Сказку! Шуе, расскажи сказку! – загалдели они.

– Какую?

– Про духов!

– Про духов... каких, морских или лесных? Ну да ладно, гм – м, как же это начиналось. Забыла я... Ах, да, ну, конечно!

Она закрыла глаза, откашлялась и тяжело вздохнула. Голос старой шаманки поплыл по хижине, обволакивая и завораживая притихших детей. Он как бы раздвинул крепкие стены, забирая их целиком, вытеснил запахи и звуки, слившись с мокрыми осенними ветрами.

«Есть на свете мир, зовущийся с незапамятных времен Соловоран. В самом его центре раскинулась священным саваном долина духов, – начала Шуе. – Лежит она между двух тёмных скал, что стоят, как близнецы, вонзаясь в туманное небо. И только горный орёл может долететь туда, да старый шаман, знающий тайны жизни и смерти, приходит в долину за новыми заклинаниями. Ночь там темнее самой тёмной ночи, а день тёмный, как мрак, что за краем мира. Безлунными вечерами в центральных гротах слышен шум далёких звёзд, что издревле рассыпаны исполинами по седящему небу. По преданию, долина эта – пылающее сердце Соловорана. В ней находится разлом, в который как в окно смотрят духи в иной мир. И могут они говорить там с человеком, пьяня его тайнами и тревожа его сердце. Духи могут уничтожить пришедшего, превратив его в тень, но могут одарить одним из трёх даров. Первый дар – это дар видеть невидимое, второй – созидать неосознанное, а третий – ходить меж миров. Но, правда то или ложь – знать мне не дано. Знаю только историю одну, которая с этим местом связана. Вот её сейчас и расскажу.

В том мире стоял сумрачный полдень. Облака лились на землю хмурым светом. Миражом утренней луны маялись вдалеке бесконечные тёмно-зеленые горы. По их подземным пещерам, уходящим шахтами глубоко под землю, ползали механические гусеницы с алым знаком «V» на металлических боках. Они жадно охотились в недрах за какой-то неведомой добычей. Скрыты были гусеницы от наивных глаз человеческих толщ земли, но ничто не ускользнёт от духов. Ибо духи и есть первобытная сущность, явившаяся древним провидением человека.

Свечи елей, шедших вдалеке на сотни километров от гор, обрывались у широкой судоходной реки. Её девственные берега застыли в очаровании красотой цветочного поля, смотревшего на лес с противоположного берега. Вода в реке казалась тёмной, и её мутные воды текли вдалеке с незапамятных времен.

Внезапно, серое небо, казавшееся неотделимым от воды, вздрогнуло и прорвалось первыми каплями ливня. На блестящую поверхность водной глади упали острые копыта дождя, сверху и снизу, ломая иллюзорную реальность параллельного мира. Как назойливая мошкара, разбивались они кругами, тревожа воду. И с каждой каплей Ему становилось все беспокойнее. Каждый всплеск разрядом молнии заставлял вздрагивать остановившееся сердце, пока, наконец, оно не забило само, разливая потоками жизнь по окаменевшему телу. Его спящий дух был призван. И Он пробудился...

Хлынул невообразимый ливень.

Пятидесятиметровым чудовищем, Он вышел в тот мир из воды. С гигантской зубастой пастью и телом, усыпанным чешуей. Имя ему было Ак-нагамба – золотой спящий дух.

Гусеницы на секунду замерли в своих тоннелях, но потом продолжили свои поиски, как будто ничего не произошло.

Тысячи лет прибывал Спящий в небытии, находясь телами во многих мирах одновременно, и, в то же время, ни в одном из них. Непостижимы были мысли его и чувства в то время. Но перейдя в состояние Новорожденного, Ак-накамба стал частью этого мира, ибо по законам нашего мироздания, дух, пришедший в миры во плоти, прекращал свой путь в качестве бесплотной беспричастной сущности и отныне становился смертным, и прежде всего, живым.

Ак-нагамба с трудом контролировал это тело, которое было голодно. Он резко повернул голову в сторону деревни и жадно втянул воздух. Потом пополз вниз, припечатывая, как кузнечными наковальнями, мощными лапами изумрудную траву. Его когти причесывали тонкие линии осоки, оставляя глубокие борозды в зеленой поросли.

А за ним, застыв в немом безумии одиночества, остановилась река. Как беспомощная жертва перед лицом смертельной ловушки, она будто сделала глубокий вздох, вспучившись холмом, после чего немислимым водоворотом почти вся исчезла в черной яме.

И понеслись потоки вниз по отводным металлическим трубам, по петляющим круглым коридорам в смертельном зловонии с масляным вкусом. Погибали там живые существа, невинные дети реки. И смертельная колыбельная рокотом раздавалась в пустых коридорах, замерших в ожидании. Где был конец ее пути, и какова была цель – мне не ведомо.

Но когда происходят такие вещи, рушится целостность мира. Где-то в далёких нейронных сетях времени обрывается множество связей. Происходит искажение предопределенности, образуя изломы и всплески. Подобно ловушкам, они теряют связи с прошлым и будущим, прерывая Природу, ставя под сомнение право мира на существование в сетке миров.

Обладая даром предвидения, Спящий успел выйти из пограничного сумрачного состояния, и выбраться из разрушаемой колыбели.

Лишенный пристанища, дополз он до ближайшей рыбацкой деревни. В разорванном небе языки молний били наотмашь по промокшей долине. В свете меркнувшего солнца в огромной пасти исчезали людские припасы, рушились дома. Люди в ужасе бежали прочь, пытаясь укрыться в соседней деревне, что была на холме неподалеку. Но этого было недостаточно. Мучимый неведомыми чувствами гнева и отчаяния, Ак-нагамба все куда-то полз и полз, словно искал потерянное внутреннее равновесие, желал залатать пустоту, образовавшуюся на месте его реки.

И теперь он был разъяренным Миричи – сверх существом, представителем параллельной формы жизни человеческой ветви. Обладая невероятной силой в любом мире, в каждом из измерений он оборачивался в разные формы, и везде имел преимущество перед людьми. Миричи остановился, ещё раз повернулся к реке и издал полный боли громогласный вой. Горы сотряслись эхом. Духи подхватили этот клич. Ибо они узнали, что в этом девственном мире поселилось чужеродное Зло.

Спутанная трава вперемешку с цветами цикория и череды колыхалась на прогретой солнцем долине, приютившей соседнюю деревушку. Здесь было мало деревьев, но земля пахла плодородным, сильным грунтом. В прозрачном сером воздухе медленно покачивались птицы. В пылающих раскатах молний из-за туч показался ослепительно яркий луч солнца. Он был прекрасен, как само мироздание, отраженное в детских серо-зеленых глазах двух детей-сирот, приоткрывших полог своего пристанища. По полям, усеянным розоватыми цветами гречихи, гулял веселый ветер. Он трогал сорные травы и благородные растения одинаково ласково. Всего несколько километров отделяли это безмятежное место от соседней деревни, лежавшей у самой реки. Но здесь, касалось, все было по-прежнему. Занятые своими домашними делами, люди не замечали, что в небе что-то изменилось. Дети спрятались в своем жилище и, обнявшись, уснули, как маленькие зверьки во время грозы. А буря тем временем приближалась.

Наевшись человеческим хламом, несшим тошнотворный запах невымытых тел, чудище захотело пить. Теперь оно шло в поисках воды... или крови!» – Маленькие слушатели выдохнули при восклицании старой Шуе. А та, наслаждаясь произведенным впечатлением, продолжала дальше.

«Вскоре буря докатилась и до соседней деревни. Миричи шел, как опустошительный смерч. Как новорожденный ребенок, не разбирал он на кого гневаться. И воцарил в деревне ужас. Люди хватали свои пожитки, пытались спасти кур, брали плачущих детей и бежали прочь – несмотря на непогоду, наперекор ветру».

«Вскоре вся деревня опустела. Повсюду стояли брошенные хижинки. Всех детей забрали. Над окрестностями висела густая тишина».

«Дух реки вполз в поселение. Он поворачивал слепую голову то к одному дому, то к другому. Воды нигде не было, люди унесли все запасы с собой. С неба лились потоки, но он не мог напиться сотней капель. В одной из землянок он нашел свежее молоко. Оно стояло в деревянной кадке у порога. Ак-нагамба попытался выпить его. Но пасть была слишком большой, а ее жабя форма не давала протиснуться в крохотное ведро. Тогда дух высунул раздвоенный язык и потянулся, опрокинув ведро».

«Внезапно одеяла в дальнем углу темной комнаты зашевелились. И детский сонный голос позвал: «Мам?».

«Мамы нет, – раздался голос постарше из другого угла. – Она не придет. Спи!».

«Кто тут?» – Вдруг спросил голос старшего. Чудовище снова открыло пасть, и оттуда понеслась нестерпимая вонь.

– Фу! – послышался детский голос. – Чем это так воняет? Ты опять позабыла вынести гнилую капусту, которую принесла наша тетка?

– Я её еще на прошлой неделе выбросила! – раздалось в ответ.

Внезапно загорелся свет восковой свечи, после чего свечка упала и погасла.

В темноте раздался испуганный вздох. «Бежим!» – послышался стук откидываемой крышки погреба в полу. Девочка почти кубарем скатилась по ступеням вниз и замерла. Но уже через мгновение она осознала, что в погребе, кроме нее никого нет. Решительно выдохнув, Лиид бросилась обратно. Она испуганно осмотрелась вокруг. В тусклом свете луны, освещавшей порог жилища, у самой зубастой пасти чудища стоял пятилетний мальчик. Светлые прямые волосы трепал ветер. Большие глаза удивленно и доверчиво смотрели на незваного гостя. Малыш протягивал Ак-нагамбе крынку с пахтой. Чудище тем временем наклонилось почти к самому полу, жадно открывая пасть. Его слепые глаза смотрели в одну точку. Застывшая картина, как опрокинутый рассудок в забытом сне, отразилась в проекции сознания его сестры.

– Деник!

– Тише, Лиид, ты его напугаешь! Оно всего лишь хочет пить!

– Деник, кидай в него крынку и беги со всех ног ко мне – сказала девочка – и не бойся!

– А я и не боюсь.

– Иди сюда! – Лидия решительно бросилась вперед, но чудище метнулось сперва в сторону, потом кинулось к хижине, отделив своим телом её от маленького брата. Оно схватило Деника и ринулось прочь, повалив гигантским хвостом сваи, после чего крыша землянки повалилась прямо на девочку. Пара мгновений – и ее худое тельце присыпало мусором и обломками. Пришлось выбираться изо всех сил. Выскочила она на улицу. Испуганная, на вид лет двенадцать. Длинные светлые волосы растрепанные, лицо с серо-зелеными глазами столь бледное, что как лунь светится. А навстречу ей дул немилостивый холодный ветер. К тому времени божество реки было уже далеко, только на дальнем холме за деревней в свете вечерней луны мелькнул огромный силуэт. Буря закончилась».

«Девочка, конечно, бросилась за ними, но где ей угнаться за гигантом? Она пробежала всю деревню, выскочила на просеку, вдоль которой цвела гречиха. Почти высохшее русло реки

смотрелось как огромный черный слизняк. Оно хлюпало и местами вздымалось. Растительность, произрастающая на дне, уже начала издавать неприятный запах».

«Лидия сперва бежала, потом просто шла и, наконец, остановилась. Тело трясло от перенапряжения. Легкие горели. Темен был предрассветный час. Едва слышно, почти только шевелением губ она сказала: «Мама, я его найду. Чего бы это ни стоило. Обещаю». И на нее нахлынули горькие слезы».

«Лиид брела до рассвета, после чего, наконец, прилегла на склоне пригорка и крепко заснула. Удивительными потоками отнесло ее спящий разум на берег моря, который упирался в темную ложбину шеи темной скалы, стоявшей в веренице каменных подруг. Высоко, на одном из выступов, что был ближе всего к синей воде, расположилась ветхая лачуга. Наверняка в сильный шторм долетали до нее брызги, что были солеными на вкус, как детские слезы».

«Проснулась девочка внезапно, как от удара. Палящие лучи солнца расплавили влажный воздух. Сердце готово было вскочить из груди. В голове крутилась лишь одна мысль, – она должна во что бы то ни стало попасть на эту скалу из сна».

«Она шла и не оглядывалась. Не оглянулась и когда последняя пастушья метка весенних пастбищ осталась позади. Ей нечего было терять в этих краях. Она и так потеряла всех, кого любила. Отца, убитого на охоте, мать, которая, спасая скот от наводнения, подхватила лихорадку, и, не приходя в сознание, сгорела за неделю. А теперь Деника. Последнего близкого человека. Конечно, он иногда не слушался, делал все наперекор и вообще бывал несносным. Но он всегда ее защищал, даже если обидчики были намного старше. И помогал по дому. Удивительно, но маленький Деник старался вести себя как мужчина, хотя Лиид это иногда раздражало – особенно когда он лез в опасные приключения, как например, когда они с мальчишками ушли кататься на диких бизонах. И, конечно, им чуть не переломали черепа. А Деник, вместо того, чтобы убежать, вытаскивал друзей из-под копыт. В итоге, со сломанным ребром он просидел дома месяц. С такими мыслями шла девочка вперед. Невеселые то были мысли».

«Море было примерно в пяти днях ходьбы на юг».

Тут Шуе остановилась. Стало слышно, как огонь потрескивал смолой, медленно догорая в очаге. А дети хором завопили: «Ещё, Шуе, ещё!».

«Ну-ка, ишь вы, расшумелись! Я старая, и мне наскучило вам рассказывать уже эту историю, тем более, что я вижу, что вы не верите ни единому моему слову!» «Мы верим – заверещали детишки – пожалуйста, продолжай!»

«Уже поздно, – улынулась шаманка, – приходите завтра, приносите еще этого» – она указала подбородком на пустой котелок.

Снаружи стоял легкий морозец. Дети рысцой бросились по тёплым домам.

Глава 2. В ночи

В ту ночь в долину упали первые хлопья снега. Холодный зимний ветерок яростно гонял их повсюду, то и дело вливаясь в какой-нибудь воздушный поток, вихрем уносивший его в побелевшую высь. Вскоре вся земля покрылась густым слоем студеного пепла. В этом году морозы ударили очень рано, сразу захватив в плен ручей, который превратился в серебристый шрам на теле оврага.

Через поле, преодолевая встречный ледяной ветер, грозивший стать бурей, шел человек. Он был высокого роста, в овечьем тулупе, перевязанном крест-накрест серой пенькой. За спиной торчал бурдюк. Его борода и волосы покрылись инеем от влажного дыхания, поднимавшегося паром от щербатого рта. Человек тяжело и прерывисто дышал. Из-под его усов доносились странные хрипы. Казалось, что он суетливо дует себе на воротник или просто ворчит. Но если прислушаться, то можно было понять, что это-песня. Странная песня с далеких берегов. Тем удивительнее она казалась в этой белой мгле. Человек прошел еще несколько шагов и тяжело повалился в снег. Потеряв сознание от усталости и голода, он остался лежать темным пятном на безлюдной равнине.

Через некоторое время он очнулся. Превозмогая боль в теле, человек заставил себя подняться на четвереньки и, увидев рядом с собой яму, комом повалился в неё.

В одну из хижин, ту, что стояла поодаль, влетел сквозняк. Там, на толстой подстилке из соломы спала старая шаманка Шуе. Назойливый, как комар, ветер стал дуть старушке в лицо, пока та, наконец, не проснулась.

«Ну, чего еще?» – спросила она, садясь на тюфяке и потирая сонные глаза. И вдруг её осенило: «Никак духи!». Подскочив с кровати, она полезла в тайный угол, где хранила кости для разговоров с иным миром.

Наконец, кряхтя, уселась супротив огня, развернула кусок мешковины и кинула на него странную смесь предметов, похожих на черенки, косточки и куски глины. Потом долго и внимательно их рассматривала пока, наконец, не вскинула брови и не воскликнула: «Человек на равнине рядом с деревней погибает! Хм... , наверно, непростой это человек, раз за него вступились духи...».

Она набросила на себя старую бобровую шубу и вышла прочь из хижины в ночь. Едва дойдя до соседнего дома, она оттолкнула полог, плотно занавешивавший деревянную дверь, и кликнула хозяина. Им оказался мужчина средних лет, довольно крепкого телосложения, с бородой, заплетенной в форме колоса. Трудно было в темноте определить его цвет волос.

– А, Шуе! – он поклонился. – Что привело тебя ко мне?

– Вставай, Гемер, нужна твоя помощь!

Пока они шли будить остальных, на улице разыгрался настоящий буран. Снег так и валил, моментально заматавая любой оставленный след.

Когда все мужчины собрались, один из них недовольно спросил: «Ты уверена, колдунья, что духи просили спасти этого человека? Взгляни, какой ветер на нас дует! По-моему, духи наоборот, хотят его смерти!» – «Ишь, ты! Вздумал со мной о духах спорить?» – Шуе внезапно выпрямилась, как будто преодолев груз лет. Ее тень прыгала от факела, горевшего в руке война, стоявшего на краю долины. «Твое дело воевать, да за женой следить. А духов понимаю здесь только я. И я говорю вам, что этот человек очень важен. За него вступились добрые духи. А Буран – злой дух. Всем известно, что он не любит людей. Так что нам надо помочь спасти человека во что бы то ни стало. И решено. Мы идем немедленно». Она посмотрела на вождя, который быстро отвел глаза в сторону – страшно и опасно было сердить колдунью.

«Что встали? Все слышали. Выходим!» – сказал он, стараясь скрыть смущение.

Там, за меловой горой, подножье которой скрывал лес, лежало поле, сокрытое между других гор. Как младшая сестра или озеро меньшего размера, лежало оно рядом с той долиной, в которой жили сейчас люди.

Лесок и гору рядом с деревней преодолели довольно быстро – здесь снег был не очень глубоким, да и ветра почти не было. Пара километров была проделана меньше чем за четверть часа.

Но потом они вышли на ничем не защищенную равнину. Двигаться стало намного труднее. Люди шли цепочкой сквозь ночь и шквальный ветер, дувший в лица. Пламя на факелах пригибалось почти параллельно земле. И вот, наконец, показалось то место, где лежал человек. Разглядеть его занесенное снегом тело в почти кромешной тьме казалось задачей непосильной. И тогда рядом с детьми рода людского появилась Тоска. Черной тучей начала она виться вокруг, и сердца людей упали. Они уже были готовы развернуться, многие стали роптать, как вдруг Шуе указала на какое-то место. Из него торчал кусок одежды. Мужчины стали копать, руками разгребая снег.

Вот показались полусогнутые ноги, потом грудь и, наконец, голова человека. Лицо невозможно было разглядеть. Казалось, что оно все почернело. Тело лежало грудью вверх на большой поклаже, которую нес странник.

Шуе кинулась к незнакомцу, потрогала его и кивнула – он был еще жив.

Вождь дал сигнал, и человека переложили на носилки из еловых веток, накинув на него овечью шкуру.

Тогда Тоска подползла к Арр-аппе, самому малодушному из людей.

«Здравствуй, Арр-аппа, – зашептала она, обвиваясь вокруг него. – Что стоишь? Кому нужен этот человек? Мы ведь даже не знаем его. Вдруг он затеял что-то недоброе? Сам посуди, зачем ему идти в такую глушь в лютые морозы? И ради этого шпиона, (да-да, это шпион-предатель или заразный!) тебя вытащили из постели и отправили в почти безнадежный поход, возможно на смерть! Несссспраааведлииииво!» – завизжала она в конце, вытянувшись высь на много метров, как кобра, и обрушилась на плечи жертвы.

"Стойте! – внезапно воскликнул Арр-аппа. – Вы совсем обезумели! Мы не потерпим, чтобы нашими жизнями рисковали из-за неизвестного человека. Мы даже не знаем его!"

Тоска сидя на плечах говорившего хохотала от каждого его слова – уж теперь-то начнется раздор в деревне, даже если сейчас ничего не произойдет.

"Арр-аппа, – спокойно сказал вождь. – Мы не знаем его, но после спасения его жизнь будет принадлежать нам. Это закон, известный всем племенам общины. Какими бы ни были его помыслы изначально, они изменятся под влиянием новых обстоятельств".

"Плохие люди не меняются!" – возразил Арр-аппа.

"Духи не ошибаются", – вступилась Шуе, и спор был окончен. Никто не хотел с ей перепороть.

«Разворачиваемся!» – крикнул вождь, и они пошли к деревне, унося тяжёлую обездвиженную ношу с собой.

Глава 3. У морской колдуньи

Люди донесли тело странника до хижины Шуе и положили его там. Один из мужчин раздул огонь в очаге, другой поспешно принес соломы из своих запасов, третий отдал старый мешок от тюфяка. Шуе тем временем вскипятила талый снег в бронзовом котле и кинула туда какие-то травы. Затем она распорядилась, чтобы достали банку козьего жира из-под лавки. Тело путника раздели до пояса, и старуха натерла его топленным жиром, после чего его тело тепло укутали и обложили соломой. Женщина влила ему в рот варево, так же щедро сдобренное жиром. Человек издал слабый стон. Когда теплая жидкость попала ему в рот, он закашлялся. Шуе зашептала, и тогда больной сделал почти два полных глотка, после чего снова потерял сознание.

Наутро весть о странном госте быстро разлетелась по деревне. У порога дома Шуе замаячили любопытные ребятишки, им было не в терпез на него взглянуть. Но Шуе шикнула, и они быстро убрались прочь.

Шли пятые сутки как у Шуе поселился новый гость. Он все еще был очень слаб, но уже мог самостоятельно держать миску в руках. Ажиотаж, вызванный его появлением, несколько спал, однако детишки продолжали караулить дверь хижины, пытаясь каждый раз заглянуть внутрь, когда она открывалась (а открываться она стала гораздо чаще). И, наконец, Шуе не устояла перед их мольбами и впустила внутрь.

Внутри пахло горьким настоем и кислыми кожами. На тюфяке у очага лежал человек. Он отрыл глаза, посмотрел на детей и улыбнулся. Лицо сразу преобразилось. Шуе подумала про себя, что у человека с таким лицом сердце не может быть злым... Черные пятна на теле, благодаря стараниям колдуньи, начали заживать, и потрескавшиеся губы, смазанные жиром, уже не так болели.

Мужчина попытался приподняться, но оказался слишком слаб для этого. Тогда старуха указала ребятишкам, и те приподняли его, подложив под спину валик из старой, побитой молью шкуры. Затем они расселись вокруг очага и стали терпеливо ждать, пока Шуе закончит приготовления. Двигаться теперь она стала намного проворнее, чем раньше. Вероятно, в этом был виноват новый гость. Ведь старушка потеряла всех своих сыновей (а как известно, жизнь без детей пуста), а теперь у нее снова появился, пусть и ненадолго, человек, который нуждался в ее заботе, как маленький ребенок. Шаманка сделала всем напиток из листьев мяты и зверобоя, добавив туда сладкий корень солодки. Дети с плохо скрываемой радостью приняли глиняные миски из ее рук – вкусный корешок доставался им не часто. Последнюю миску дали пришлому.

«Откуда ты родом?» – спросила маленькая девочка с негустыми каштановыми волосами, собранными на манер взрослых женщин в блестящий узел.

«Из Мадала» – ответил тот. Дети понятия не имели, где находится этот Мадал.

«А как ты попал сюда?»

«Это долгая история. У меня пока нет сил ее рассказывать. Да, вы все равно не поверите» – улыбнулся странник.

«Поверим!» – хором закричали дети. Но Шуе притворно нахмурилась, и они тут же смолкли, торопливо отхлебывая вкусный чай.

«Ладно, только недолго. Я был капитаном корабля и помог одной маленькой девочке. С тех пор я блуждаю по свету, потому что мне не дует ни один попутный ветер. Зато я очень много знаю, потому что странствую очень долго. Ну, а теперь я немного передохну» – мужчина тяжело закашлял и отвернулся.

«Расскажи! Расскажи» – не унимались дети. Громче всех вопила маленькая девочка с каштановыми волосами.

«Ну хорошо, – сказал мужчина, – я расскажу вам эту историю в обмен на вашу историю».

«Но у нас нет историй!» – сказали ребяташки.

«Будет вам история» – прохрипела Шуе внезапно. Казалось, что она взволнована. Она села поудобнее у огня и спросила: «Вы помните Лидию и ее маленького братика Денника?»

«Да!» – выдохнули с восторгом мальчишки, которые слышали историю в прошлый раз.

«Нет». – сказали остальные.

Шуе пришлось кратко рассказать остальным, с чего все начиналось, после этого она продолжила.

«Шел третий день пути. Лидия поднялась с первыми лучами солнца, но сейчас, когда ноги ныли от постоянного напряжения, дух ее упал. Невеселые мысли заполнили голову.

Она села на траву. Вдруг над её головой закружил орел. Он начал снижаться кругами и вскоре сел на траву неподалеку. Девочка невольно замерла. Неторопливыми прыжками птица продвигалась ей навстречу. Что-то очень забавное было в ее манере передвижения, и Лиид успокоилась. Теперь она просто наблюдала.

Птица, тем временем, подобралась довольно близко и теперь нерешительно остановилась у самых ног девочки. Внезапно, она метнулась в сторону и, взмахнув большими крыльями, взмыла вверх. А на дороге лежали два прекрасных сандалия из сыромятной кожи. Лидия вскрикнула от радости. Она быстро надела их – и ногам стало невообразимо легко!

«Спасибо!» – крикнула она птице и помчалась вперед. Ей казалось, что теперь она идет намного быстрее. Пейзажи быстро сменялись один за другим, и уже к вечеру она стояла на берегу синего моря.

Вдалеке в голубой дымке виднелись горы. Теплый бриз приятно ласкал разгоряченное лицо, играя растрепавшимися волосами. Наконец, последние лучи солнца упали на землю, и настала ночь.

Утром она проснулась от холода. Серые тучи плыли над свинцовой водой. По морю бежали белые барашки волн.

Лиид двинулась дальше. Горы впереди быстро приближались, и вот она уже стояла у подножия высокой скалы. Скала была частью горного хребта, шедшего вправо стеной на несколько тысяч километров вглубь плато.

«Как мне ее обойти?» – подумала девочка. Единственным видимым способом было проплыть через бушующее море. Но хлынувший ливень окончательно отрезал путь на несколько часов или дней.

Внезапно, перед скалой снова появился орел.

«Надеюсь, на сей раз, ты принес мне чудесную шкуру, чтоб укрыться от дождя», – сказала дрожащим голосом Лиид. Но шкуры у орла не было. Зато в когтях сидел довольно крупный зверек, похожий на крысу с большими, как у белки, ушами и облезлым хвостом.

«Зачем мне это существо?» – воскликнула Лиид. Но орел продолжал подбираться ближе, и, наконец, остановился в полуметре, выпустил ношу и взмыл в грозное небо.

Существо с любопытством посмотрело на мокрую с ног до головы девочку, развернулось и побежало.

Похолодало. Из рта шел пар. Они шли по заросшей терновником дороге в горах. Бесконечные спиральные нити дождя стрелами пронзали пространство вокруг, сковывая холодом движения. Через некоторое время странный зверь так испачкался, что Лиид прекратила его различать в стене дождя.

Вдруг зверь высоко подпрыгнул и вспыхнул, как сухой мох в жаркий день. И тут Лиид поняла, кто это. Тархе – чудесное древнее существо из далеких легенд. Эти полудухи помогали древним рыбакам в тумане, выводя их к родным домам.

Страх перед тархе на мгновение остановил сердце. Девочка остановилась. Прямо за их спинами почти отвесной стеной возвышался хребет, с которого ручьями стекала грязь. Они недавно миновали хмурый перевал. Их тропинка, местами отмеченная белесыми цветами

шиповника, виляла между грязевыми потоками. Она то ныряла в заросли дерна, то появлялась в мышинном горошке. Серый дождь настойчиво стирал ее следы. Нет. Тархе не пыталась ее запутать. Она пыталась помочь.

Наконец, их путь подошел к концу. Пройдя еще один виток вверх, они очутились прямо у порога хижины. Огонек залетел через окно внутрь. Дверь сразу же отворилась.

На пороге стояла пожилая женщина, одетая в опрятную белую льняную рубашу до щиколоток, подвязанную кожаным поясом. «Ну же, входи!» – сказала она. При виде старухи тархе, обратившись обратно в существо, ловко перепрыгнула на хозяйку хижины. Лиид шагнула внутрь. Дверь за ней громко захлопнулась».

В миске оказалась баранина с диким чесноком и маисом. Вскоре измученный желудок путешественницы насытился. Лиид отодвинула от себя миску, встала и поблагодарила хозяйку за ужин. Потом она спросила, не её ли орел принес ей чудесные сандалии. Та кивнула, добавив, что обувь Лиид может оставить себе.

"Садись, садись, девочка, просушись как следует. Я расскажу тебе о том, о чем ты пришла послушать", – приветливо сказала женщина.

Огонь приятно согревал. Одежда начала сохнуть, и от нее шел легкий пар.

Ведунья тоже присела и продолжила: «Я знаю, ты проделала долгий путь. Но тебя ждет еще более долгая дорога». При этих словах женщина застыла. Пристальные, впивающиеся в душу до предела, окрасились ее глаза в синий-синий цвет – индиго.

«Твоего брата утащил Ак-нагамба, спящий золотой дух,» – начала она, – «Спящий – один из древних, первозданных, он разъяренный хранитель. Почему он забрал человека, мне не ведомо. Но вижу, что уничтожение его обители приведет к гибели огромное количество живых существ. И это далеко не все беды, которые ждут эти края. В нашем мире, имя которому Соловоран, следующим летом случится ужасная беда. После нее начнется засуха, которой не было здесь доселе. Все покроется въедливым песком, жадно занимающим все вокруг. Солнце отвернется от этих земель, и окутает их мрак. Три года будут бури. Люди побегут, как муравьи, часть на запад, часть на восток. Земля уже не будет прежней». Внезапно она смолкла, глядя на огонь.

"Но сейчас не об этом, – снова заговорила ведунья какое-то время спустя, – я знаю, куда тебе идти". Она достала кусок воловьей шкуры, на которой были начертаны какие-то символы. Когда шкура была расправлена, символы сложились в схему. "Смотри, вот остров, на котором лежит долина духов. Когда ты придешь туда, там будет кромешная тьма. Проси духов дать тебе дары. Тебе будет предложено испытание. Что это за испытание, я тебе не могу сказать – я давала клятву, когда была там, и не могу ее нарушить».

«Но как я попаду на этот остров? Неужели эти чудесные сандалии и по воде ходят?» – спросила Лидия.

«Нет конечно!» – отмахнулась старуха. «Это самые обыкновенные сандалии, они ничего, кроме того, чтобы быть удобными, не умеют! Завтра на рассвете сюда придет торговый корабль. Главный на нем – мой очень хороший друг. Думаю, он тебя довезет».

«А куда потом?» – после паузы спросила девочка.

«Что?» – не поняла ведунья.

«Куда мне идти дальше, потом, после острова?»

«Ах, да! – женщина завозилась с клочком воловьей шкуры, помещенным в извилистый моток железной нити, который причудливо сложила розой – Вот, смотри. Этот остров внутри похож на гору с дырой посередине. После получения даров тебе надо отыскать ход, – тут объяснявшая куда-то нажала, и из перевернутого бутона розы вниз забил серебристый луч. Она поднесла его к чашке с отваром, и луч прошел насквозь, продолжая сиять под дном – «Чтобы открыть ход, будешь бить в барабан, который возьмешь у мертвого койота, что сидит на скале. Потом пройдешь ко дну океана, и дальше, пока не услышишь маяк. Там ищи своего брата.

Что будет дальше, сама я не знаю. Но я дам тебе того, кто знает. А теперь спать! Завтра я еще раз все повторю» – старушка улыбнулась растерянной Лидии. Схему она бережно сложила в круглый металлический футляр, после чего постелила себе и гостье постель из трав. Насупила теплая ночь у костра».

Тут Шуе умолкла. Её мучил спазм в груди, что стало с ней происходить довольно часто в последнее время. Дети продолжали молчать, а гость лежал лицом к стене, и было сложно понять, спит он или напряженно слушает. Шаманка жестом велела детям покинуть помещение. Те нехотя вышли наружу.

Там сияло золотистое зимнее солнце. В воздухе стоял морозец, который превращал темные усы и бороды мужчин в белоснежный хворост.

Возле одной из хижин толпился народ. У всех были очень серьезные, озадаченные лица.

«...И ни одно из приспособлений нам не известно?» – донесся обрывок разговора двух женщин, стоявших ближе всех ко входу.

«Нет. И что самое странное, мужчины говорят, что они изготовлены из неизвестных металлов! Они не могут их ничем разрушить – огонь из штукофена¹ не оставляет ни единого следа на них!»

Дети выдохнули – шту-ко-фен. Зарытый в землю, он нагревался жаром железного дерева до высоких температур, при которых плавилась, словно масло, олово, бронза и железо. При воздействии жара в штукофене они стекали огненными ручьями в специальные песчаные формы, превращаясь в различные виды холодного оружия, – наконечники стрел, метательные ножи, клики, которые были необыкновенно прочными в бою.

Один из мальчишек, Чоки, младший сын вождя, вошел внутрь хижины, возле которой шло обсуждение. Там, как и во всех других жилищах, царил полумрак. В середине у очага, нахмурившись, сидели мужчины. Один из них – Арр-аппа – был особо хмурым. Он говорил скрипучим, высоким голосом о том, что он предупреждал, что это – плохая затея – спасать незнакомца. Что теперь им всем грозят страшные беды, поскольку тот человек несомненно пришел из края демонов. Тут его перебил Деха-па, он был самым молодым воином племени. Его темные волосы были стянуты в пучок на макушке, а жидкая бородка заплетена в колосок. Лицо юноши было обветрено из-за долгой охоты, и потому кожа на носу и щеках шелушилась и имела красноватый оттенок. Он не ходил спасать пришлого, потому что его не было почти две недели – он только прошел инициацию и принес убитых оленя и волка. «Арр-аппа, – сказал он, – умри странник той ночью, к нам бы весной все равно попали эти диковинные предметы. Так, у нас есть шанс получить ответы».

«Он прав, – поддержал вождь. – думаю, дня через три мы пойдем за ответами». Он замолчал. Вещи человека все еще лежали разложенными на шкуре. Среди обыкновенной снеди, шкурок с непонятными надписями и камней-амулетов, здесь были три черных шара из странного металла. На двух из них были кольца, опоясывавшие шары с одной стороны и проникающие в них с другой. На каждом кольце были нанесены зазубрины на одинаковом расстоянии между собой. Отличались эти два шара только тем, что на одном из них сверху было небольшое кольцо, потянув за которое можно было вытащить крохотный блестящий кинжал.

Мужчины сперва очень внимательно смотрели издали, не прикасаясь к предметам, но потом любопытство взяло верх, и шары стали ходить по рукам. И каждый воин норовил сдвинуть шар сильнее – вдруг что-нибудь произойдет, и это будет он, кто откроет секрет диковинки. Но с принадлежностями ничего не выходило, и вскоре народ потерял к ним интерес. Постепенно воины разошлись по домам. Чоки убежал к другим мальчишкам. В хижине остались только Деха-па и вождь, который был и его отцом. Тогда полог отодвинулся, и внутрь зашли женщины. Они галдели как птицы, повторяя слухи и пытаясь выхватить друг у друга

¹ Штукофен – предшественник доменной печи.

шары. Вождю пришлось утихомиривать их, прежде чем каждой дать посмотреть на предметы. Но и у них ничего не вышло. Вождь разочарованно махнул рукой, и женщины были вынуждены разойтись по домам.

Глава 4. Капитан Дагон

Шел вечер седьмых суток как в деревне появился новый человек. Но суета никак не утихла. Все ждали следующего дня, чтобы узнать секрет «волшебных шаров», как их прозвали местные. Ребятишки, нагруженные домашней работой, изнывали от нетерпения. Всем хотелось бросить на произвол судьбы кормление ягнят, чистку стойла, сушение козлятины до лучших времён. Наспех справившись с работой по хозяйству, они, один за другим, прибывали к хижине Шуе. Подпрыгивая на заиндевевших бревнах, они с надеждой смотрели на обтянутое бычьим пузырьём окно. Но у Шуе работы по дому было не в проворот, на рассказы не было времени. Когда пальцы детей окончательно заледенели, а сердца упали, Шуе, наконец, сжалилась и впустила несчастных внутрь. Пришлый человек, который тихо лежал в углу хижины, уже не был основным поводом для их визитов. Они ждали продолжения рассказа. Когда детям были вручены миски с горячим отваром, они получили желанное. Шаманка откашлялась и заговорила.

«Утром, когда первые лучи солнца забрались в жилище, окрасив чешую на стенах и потолке в нежно розовый цвет, Лидия проснулась. В дальнем углу помещения спала тархе Васта. Кроме них двоих в хижине никого не было. Огонь в очаге погас, от углей поднимался дымок. Девочка стала усердно дуть, и, вместе с копотью, которая разлеталась с каждым выдохом в разные стороны, вверх поднялся язычок пламени. Рядом лежали аккуратной стопкой сложенные дрова, которые хозяйка, видимо, специально оставила для гостя. Это были можжевеловые тонкие стволы. При прикосновении, они издавали приятный аромат, который бодрит тело и дух, оставляя на языке сладковатое послевкусие. Вскоре жилище наполнилась теплом очага и запахом смолы».

«Вдруг тархе вздрогнула и открыла глаза. Затем она вылезла из вороха камыша, в котором спала, и тут же принялась мести пол опрятной связкой персиковых прутьев. Ее хвост волочился по земле, перемещаясь в такт то влево, то вправо. Затем, она принялась готовить завтрак».

«Когда от котелка повалил пар с вкуснейшим ароматом, снаружи донесся протяжный свист. Первой на него откликнулась Васта. Она метнулась к выходу. Лидия выскочила из хижины второй. Чуть ниже, на небольшой платформе, образовавшейся правее на склоне той же скалы, где находились сейчас они, стояла ведунья, – хозяйка жилища. Она издала длинный мелодичный свист, эхом завибрировавший воздухе. И только тут девочка заметила корабль с грязно-белыми чешуйчатými парусами, покрытый гладким серебристым металлом, который входил в бухту между скал, оставляя за собой длинный пенный след. Она раньше никогда не видела таких кораблей, только маленькие лодки, в которых рыбаки из ее села сплавлялись вниз по течению в поисках улова, да еще деревянные корабли, которые несколько раз проплывали по их реке. А этот корабль был другим, гораздо больше. Корпус судна словно подерживался снизу гигантскими пустыми металлическими бочками. На его корме красовалась странная бронзовая фигура женщины в одеянии, спускавшимся складками до самой воды. Она поднимала одну руку со стрелой вверх, а другую выставляла перед собой так, словно пыталась остановить накатывавшие на нее волны. С корабля донесся ответный свист, и старушка удовлетворенно кивнула головой. Потом она стала спускаться вниз по скале, покуда не оказалась у самой воды. Из трюма, тем временем, полным ходом выгружали какие-то мешки и бочки. Часть экипажа понесла пустые бочонки вглубь плато по секретной тропинке, по которой вчера шла сама Лидия».

«Старая колдунья, тем временем, уже разговаривала с капитаном. Казалось, что они давно знали друг друга. Медленно поднимались они по склону и вот уже стояли перед входом в хижину».

«Капитан был немолодым мужчиной крепкого телосложения. Его черные с проседью волосы были собраны в высокий пучок. Он был одет в странную одежду алого цвета. Через плечо на нем болталась коричневая полосатая шкура, которая была стянута на бедре золотой пряжкой в виде крачки². В обоих ушах были серьги с непонятными узорами. Под правой рукой расположился железный клинок, инкрустированный малахитами и аметистами. За спиной человека висел увесистый бурдюк».

««Проходи, Дагон, внутрь, и я тебе покажу, что у меня есть нового» – продолжила видимо начатый ранее разговор женщина. Она махнула рукой девочке, и та зашла вслед за гостем.

В руках у старухи непонятным образом оказался запотевший кувшин с водой. Она налила оттуда гостью воды, и тот выпил все залпом. «Вкуснее твоей воды, Иверия, я ничего не пил!» – воскликнул он, после чего довольно устроился рядом с очагом. Колдунья, тем временем, доставала самые разные предметы, которые хранились за циновками в специальных деревянных нишах под потолком. Что это были за штуки я, признаться, позабыла, уж больно сложные они были» – сказала Шуе и затихла, растерянно подняв седые брови с хитро поблескивавшими из-под них глазами. Слышно было как жужжит отогретая теплом огня муха. Она сонно ползла по бычьему пузырю, натянутому на окно.

«Это были карты» – внезапно сказал мужчина. Дети сглотнули – они не поверили своим ушам! Теперь все их внимание до мельчайшего вздоха было обращено на говорившего. «Это были карты» – снова повторил он. «Я брал их много лет. Откуда они были у колдуньи, я не знаю. Ведь во всем свете было лишь несколько мест, где их можно было достать. Когда мы впервые познакомились с Иверией, мне было чуть больше пятнадцати, и я мечтал открыть новые миры. Она давала мне удивительные карты, которые могли переносить в миры с неизвестными цивилизациями».

«На этот раз она дала мне на выбор несколько карт с водными мирами. Я как раз хотел в тот день преподнести ей дары. Как обычно, это было оливковое масло, ткани из тонкой шерсти и льна, да камни, что сияли как солнце. Она из них делала убранство своей хижины, вставляя как рыбу чешую, – камень за камнем. Мои ребята несли вверх железные украшения и оружие, которые колдунья переплавляла в кузнице, скрытой в скале за хижиной».

«Кузница... Удивительное это было место... изнутри корпус хижины казался цельным, полностью сделанным из дерева, но на самом деле дальняя стена была скалой, скрытой под шкурами. Под одной из таких шкур располагался вход, заслоненный огромным валуном. Чтобы попасть внутрь, этот валун приходилось убирать. Он был невероятно тяжелым! Как старуха убирала его без моей помощи, сложно представить. Видимо, она была не так слаба, как казалось. Эх, помню, как я упирался, пытаюсь отодвинуть камень, а она только и посмеивалась надо мной. Но моих ребят звать на подмогу не велела. Когда я наконец справлялся с ним, мы входили внутрь. Помещение представляло собой грот примерно пятнадцать шагов в длину и тридцать в ширину. Сверху через небольшие отверстия бил солнечный свет. Посередине лежал большой валун. Вода, капавшая сверху, за много тысячелетий со временем превратилась в причудливый сталактит.

В углу грота стояла сама кузница. Сверху располагались меха, а в углубление, что было еще одним подарком природы, ведунья клала стволы железного дерева, которые я привозил ей в дар. От него в печи поднимался особый жар, который позволял делать сплавы удивительной прочности. По желобам тек металл, попадавший в песчаные формы. Что это были за детали, мне неизвестно.

При мне колдунья единственный раз работала в своей кузнице, это было очень давно. Помню как серебряный свет, шедший сверху и окрашивавший грот в необычный мистический цвет, был внезапно пробит лучами раскаленного металла, лившегося по желобам. Подобно

² Крачка – перелетная морская птица.

солнечным змеям текло железо, озаряя полумрак, притягивая к себе взгляд, выливаясь в таинственные формы. Рядом вилась морская колдунья, которая раздувала меха все сильнее и сильнее. Какая неведомая сила вселялась в нее в эти моменты? Я не знаю... Когда весь металл, что я ей тогда привез, был переплавлен, мы вышли из мастерской. Она запретила мне говорить об этом месте кому бы то ни было, а чтобы я не нарушил обещание, наложила заклятие на мой рот. И я до селе еще никому об этом не рассказывал».

«Видимо, за столько лет ослабело колдовство...» – при этих словах Шуе незаметно усмехнулась.

Рассказчик продолжил свое повествование. «В то утро, когда я приплыл, Иверия снова попросила открыть вход в грот. От этой просьбы, в животе все будто зажгло нетерпением, переворачивавшим большой лопатой внутренности. Меня тогда, признаться честно, мало волновал запуганный ребенок, стоявший у входа. Отважная была девчонка...» – внезапно лицо говорившего погрузнело. По нему как будто тень пробежала. «Мог бы, ни за что не отпустил... Да что уж там говорить».

«В общем, завела меня колдунья в грот. Там, в каменной чаше на дне что-то серебрилось. Иверия кивнула мне, и я, погрузив руку в каменную чашу с водой, достал оттуда медальон с чудесными рунами. «Это тебе, Дагон. Медальон удачи. Куда бы ты ни шел, за какое дело бы ни взялся, тебе всегда будет везти. Но страшись потерять его или продать... Много лун лежал амулет в этой чаше. Мимо проходили небесные светила. И великая мудрость отражалась в призме воды. Все впитал медальон в себя. Впитает он и везенье, отведенное тебе. Умножится оно внутри него, и сфокусируется на нужном тебе деле. Вот почему опасно его потерять – твоя удача уйдет вместе с ним». Я попросил подумать немного, перед тем как надеть его. Потом отрезал полоску от ремня, на которой висел бурдюк с водой, и повесил медальон себе на шею. И только когда мы вышли спросил, что колдунья хочет взамен. Та кивком указала на девочку. «Ей нужно добраться в одно место. Я дам карту. Ты должен ее довести» – и, понизив тон, добавила: «Только смотри, береги ее, ей и так досталось трудностей сверх меры, она брата ищет».

Я тогда кивнул, но потом быстро забыл об этом». Человек замолчал, оскалив в гримасе досады зубы.

«Через неделю наш корабль отплыл от берега. На борту прибавилось три пассажира. Девочка, худая, как рыбная кость, непонятный зверь тархе и орел. Орел мне не понравился, но я не стал ничего говорить. Было видно, что он очень хотел попасть на борт, удрать от колдуньи. Но Иверия настояла, чтобы поехали все трое».

«Я был немолод, но весьма любопытен. Новые карты жгли мой мешок. Мне не терпелось попасть в новый мир. Я, каюсь, был немного раздосадован тем, что мне придется задержаться в моем деле. Думаю, вам стоит пояснить...» – прервался мужчина, глядя на озадаченные лица ребятишек. «Я был торговцем. Новые миры открывали небывалые возможности для торговли. Меня интересовали те места, где можно было достать дерево, экзотические специи или другие ценные товары и обменять их на топливо и металл в других местах».

«Так вот, в этот раз я вез воспламеняющуюся черную воду, обменянную мной на сушеное мясо, купленное за бесценку на краю Ойкумены, для торговли в одном из дальних островов, что за чертой этого мира. В штиль нагруженный корабль шел медленно. Дряхлые ионные двигатели, расположенные в хвостовой части киля, почти полностью разрядились. Мы теперь старались использовать их крайне экономно, сберегая энергию для скачков. Признаться, в эти дни я был очень зол на колдунью – ее амулет не действовал! И еще эту девчушку надо было сперва отвезти, хотя нам было совсем не по пути. Тем более корабль не двигался в ту сторону. И тогда я решил – раз амулет не действует, значит, сделка отменяется. При этой мысли меня буквально вытолкнуло на палубу и стошнило приказом: «Разворот на 170 градусов! Эту карту на штатив. Идем сперва по ней, надо избавиться от груза!» Я тогда побоялся посмотреть на

детскую фигуру, одиноко стоявшую у кормы. Спустившись к себе, я долго маялся, перебирая карточки с фотографиями, карты течений и учетные книги, пока не уснул».

Глава 5. Продавцы Порроков

«Проснулся я от стука в дверь. «Капитан, мы, кажется, на месте!» В каюте стоял удушливый запах сгнивших водорослей и тухлой рыбы. «Ну и вонь!» – посетовал мой помощник, пока мы поднимались наверх. На палубе пахло еще хуже. «Чем воняет?» – спросил я и тут же увидел ответ на свой вопрос – все море вокруг нас было покрыто зеленой тиной. Я удивился, как быстро корабль дошел до нужного места. «Нам дул попутный ветер, и весьма сильный, так что мы быстро добрались» – было поспешно доложено мне. Мою совесть больно кольнуло. Но я решил, что надо скорее завершать начатое».

«Сверившись с картами, я включил защиту корабля и активировал пульт штатива, на котором стояла карта, как делал это уже сотни раз. Внезапно подул знакомый ветерок с запахом серы из вулканов, и корабль окутало туманом. Включился парус, который накрыл корабль сверху полупрозрачной пленкой. От этого корабль стал походить на мидию. Мы все завернулись в биопротекторные комбинезоны. Туман все сгущался и сгущался. Оболочка завибрировала, и внезапно растворилась. И на нас обрушился серый поток частиц корабля. Все исчезло. Сперва исчезло зрение, потом слух, потом ощущения. Осталась лишь душа, которую притягивала волна уже прибывшей на место карты. Вокруг стенами лились вверх струи серого дыма от наших тел, который улетал так же стремительно как появлялся. Мы не видели их глазами, но видели разумом. Потом, на мгновение, наступило иное состояние. Это было ощущение разрыва Вселенной. Тысячи игл пронеслись сквозь душу, протаскивая ее наизнанку через обратный поток пространства. Мы воспарили над телами, а потом вошли в них – корабль плыл по пространству, находя свой путь во мгле. Внизу показалась вода».

«Судно с плеском село на воду, мгла начала рассеиваться. Над парусом все еще оставались ошметки тумана, но вскоре они исчезли. Счищая оболочку, в которую превратился биопротекторный комбинезон, люди теперь с интересом прильнули к бортам. Корабль входил в порт, сиявший в лучах солнца золотисто-красным цветом».

«Поспешно спустив шлюпку на воду, я, несколько членов команды и девочка, которая очень просилась поехать с нами, поплыли к пирсу. Вскоре лодка пристала к брусчатому причалу. Прогнившие доски вели к городу, утопавшему в медном свечении.

«Город, на первый взгляд, состоял из нескольких уровней. Верхний был менее населенным. Он располагался в чаше полуострова на вертикали скал, где карабкались редкие деревья. За желтоватыми оградами притаились такого же цвета дома, увитые ползучими красными растениями. Крыши их сверкали красно-оранжевой медью. Чуть ниже гнездились дома попроще. Их грязноватые стены уныло смотрели на нижний город. Договорившись держаться вместе, двинулись мы в путь».

«На нижнем уровне, как и во многих других мирах, которые мне довелось посетить, было особо людно. По улочкам стекались к порту странно разодетые люди в конусообразных головных уборах. Их одежда развивалась на ветру. Сквозь нее просвечивали тощие белесые ноги и жилистые руки. На первый взгляд, внешне они мало чем от нас отличались. Разве что глаза у них были маленькими и блестящими. Из-под шапок свисали черные выющиеся космы. Бороды ни у кого из мужчин не было, только длинные черные усы».

«Мы двинулись вперед, вверх по улицам, застроенным деревянными домами, крытыми соломой. Крыши были украшены живыми фиолетовыми цветами, а на маковках их конусообразных концов красовались крупные медные листья».

«По переулкам тянулись невероятные запахи, описать которые как вкусные, было бы слишком далеко от истины. Как сейчас помню эти дурманящие ароматы, от которых желудок начинал трепетно урчать, а рот наполнялся слюной, заставляя голову думать только об одном – о еде. Я понял, на что буду обменивать свой товар в этом городе».

«Вскоре мы дошли до рынка. По обыкновению, он располагался в центре поселения. В пестром потоке прилавков висели разнообразные товары – сверкали чешуей рыбы с острыми янтарными гребнями; блеяли рогатые желтые козы с черными бородавками; завлекали блеском кружевные металлические украшения с зелеными камнями; цветастые покрывала нагло висели на боках больших богатых домов, стоявших неприветливыми стенами вдоль узких грязных улиц; разделяли, как призрачные ворота, улицу газовые пологи из невесомых тканей; разливались ароматом благовоний мелкие желтые фрукты; позвякивала посуда. Вокруг всего этого копошились люди, бегали маленькие зверьки с длинными облезлыми ушами и тонкими крысиными хвостами, играли дети. Винный дух привлекал рой красных пчел и местных пьянчуг. Из-за этих прилавков выглядывали презрительные глаза продавцов, которые тут же начинали течь маслом при виде новых покупателей. Все это напоминало насекомых, ползающих по сладкому яблоку. Мы шли молча, продвигаясь сквозь толпу. Внезапно я почуял тот самый запах, который вился между домами. Он шел с торговых рядов, расположенных чуть в стороне. Всюду здесь был навес, и даже стояло несколько деревянных магазинчиков. В один из них мы зашли».

«Внутри сквозь прогнившие, наспех сколоченные доски, бил дневной свет, слабо освещавший помещение. В проем, что находился в углу комнаты, завешенный грязным полупрозрачным розовым пологом, виднелась другая темная, видимо, складская комната, заставленная каким-то товаром. Через нее шел лишь узкий проход к торговому помещению. Посередине стоял дощатый стол, на котором что-то мерцало. Здесь особенно пахло знакомым запахом с улицы. Только в этом месте он превращался в могущественный поток, круживший голову. Сперва у нас даже немного заслезились глаза, и я приказал остаться со мной только одному из людей, а остальные остались снаружи».

«В ответ на наши голоса из темного угла вышел человек. Он был крупным мужчиной средних лет с длинными черными усами, в сальном халате, полы которого были слишком коротки для его роста. Оттого открывались толстые ноги, которые так отличали его от его тонконогих односельчан».

«Заговорил он с нами на абсолютно непонятном языке. Поняв, что мы ничего не понимаем, мужчина довольно кивнул куда-то в сторону, из тени вышел еще один человек. Он очень недобро посмотрел на нас и вышел из хижины».

Я попытался жестами объяснить, что хочу знать, откуда идет запах. Тот кивнул на стол. На столе лежали различные коробочки, из которых лился странный свет. В одних емкостях он был оранжевым, в других – голубым, в третьих – красноватым. Я подошел ближе. Оказывается, на коробках были крышки, но они были прозрачными. На дне шевелились странные слабые создания. Казалось, на них не было кожи. А прозрачная плоть светилась призрачным цветом – у каждого представленного существа он был свой. Мне сделалось противно, и я отошел. Однако любопытство, что за прозрачный материал служил крышкой для емкостей, заставил меня подавить приступ неприязни. Это было не стекло и не пластик. Скорее, он имел волновую природу. Я указал на коробочки. Продавец кивнул и позвал за собой.

Мы прошли в темный угол, в котором, оказалось, были сложены пустые коробочки. Я достал из мешочка различные монеты и стал демонстрировать их перед незнакомцем. Но тот отрицательно качал головой, пока, наконец, я, раздосадованный, не сложил деньги обратно в свой мешок. Тут продавец кивнул на мой бок, на котором была прикреплена золотая пряжка с крачкой. Эта пряжка была мне дорога, и я прикрыл ее рукой, давая понять, что не согласен на сделку. Мне ведь, в конце концов, была неизвестна истинная ценность этих коробков, вдруг они здесь были широко распространены, тогда и стоять они не могли дорого. Хотя я и не видел таких, пока шел по рынку, но в соседней хижине эти коробочки могли стоять дешевле. Тогда я вежливо улыбнулся, поклонился и вышел. Вслед за мной вышел и мой помощник. Однако на улице ни девочки ни наших людей не оказалось. Я не на шутку встревожился.

Мы долго бегали по рынку в поисках пропавших, пока солнце не покатилося к горизонту. Тогда я принял решение вернуться на корабль. Долго шли мы по пустеющему рынку, потом петляли в улочках, пока к закату не спустились обратно на причал. Вдали стоял наш корабль».

«Лодки были не тронутыми на своем месте, что означало, что мои люди пропали бесследно. Ночевать было решено на корабле. Когда мы подплывали к судну, на корме сидел орел. Увидев, что девочки с нами нет, он неслышно упорхнул прочь».

«На следующее утро, чуть только в небе занялся рассвет, я и еще два члена команды приплыли к причалу. Там было пусто, ни единой живой души. Только было слышно как стрекотали местные цикады. В воздухе стоял невообразимый цветочный аромат, который доносился из хижин и домов, стоявших в окрестностях».

«Порт представлял собой полумесяц земли, раскинувшейся между волосатыми горами, поросшими какими-то местными растениями и деревьями. Причал уходил в город, который рос на возвышении. Из ближней хижины вышла старушка с грубо сплетенным неводом. Она, подозрительно глядя на нас, двинулась к морю.

«Женщина, стой, нам нужно знать, кто здесь вождь!» – обратился к ней я, но она, низко наклонив голову, отшатнулась в сторону. Полы ее одежды порхнули, как у встревоженной вороны, а остроконечная шляпа слетела с головы. Только тут я обратил внимание на интересное строение черепа незнакомки – он был несколько приплюснутым и вытянутым на затылке. Лицо старушки казалось, было сделано из кости: на нем не было щек, только выпуклая кость, которую обтягивала кожа. Нос был несколько смещен вверх по сравнению с нашим, и, казалось, маленькие круглые глаза прятались за широкую переносицу. Подцепив шляпу, эта прохожая ловко вильнула между зарослями растений темно бордового цвета и скрылась из виду. Больше на помощь местных мы не рассчитывали».

«Было решено разделиться на две группы по трое человек. Одна шла с запада, другая с востока, встретиться должны были у хижины продавца коробочек, как мы его назвали. Вторую группу вел мой вчерашний помощник, поскольку он знал дорогу.

Проходя между хижин, я обернулся и увидел на горизонте край беззаботного розового солнца. Тут в небе показалась точка, которая стремительно приближалась. Воздух разрезал протяжный птичий крик, и передо мной на плотно пыльной дороге опустился орел. Он напряженно осмотрелся и начал странно прыгать. Его нелепые ужимки сперва смутил нас, но потом стало ясно, что он зовет нас за собой. Недолго думая, двинулись мы за ним. По пути я все размышлял, как странно ведет себя птица морской колдуньи. Сразу было видно, что она необычайно умная для животного. Столь странное существо могло быть только из рода древних... Но тут мои мысли внезапно прервались. Мы остановились у какой-то хижины. Снаружи она была обмазана глиной, что было несвойственно местным домам. Сверху на соломенной крыше не было ни цветов, ни медного листа. Дверь была плотно заперта. Орел вспорхнул и уселся на ветхий козырек».

«Я дал сигнал, и один из моих ребят, конопатчик, постучал в дверь своим огромным кулаком. Отличный был малый. Огромного роста, сильный, преданный. В бою этот парень стоил десятерых. Звали его Верак. На стук дверь отворилась, и к нам навстречу вышел заспанный щуплый человечек. При виде нас его лицо резко расслабилось – видимо, он боялся, что мы не придем. В отличие от местных жителей, его ноги были крепкими, но под носом красовались традиционные длинные усы. Они, пожалуй, и были главной достопримечательностью его лица. Мужчина довольно усмехнулся и, жестом показав на меня, пригласил пройти внутрь. Верак тоже вошел следом, а третий из моей группы, Католоу, остался стоять снаружи».

«Внутри оказалось довольно просторное помещение, все в различных коробочках, наполненных светящимися существами, от чего внутри помещения лился неяркий свет. В углу сидели двое моих матросов. Только теперь их было не узнать. Конечно, выпивать они любили, и я не раз пил вместе с ними, но сейчас они походили скорее на пьяниц, что лежат в деревнях у

дороги в состоянии успокоения от очередной порции спиртного, чем на порядочных матросов. Рядом с ними сидела Лидия, маленькая и напуганная. Я хотел кинуться к ней, но двое мужчин, местных, которые тоже находились в хижине, резко подскочили на ноги. Один из них выхватил из коробочки слабое существо и бросил на одного из моих ребят, сидящих на полу. Существо кинулось на него и испарилось над головой. Тут же несчастный поднялся и стал искать что-то в комнате, пока не нашел предмет, похожий на табачную трубку и не затянулся. Жуткий кашель сдавил его горло. Мужчина давился, но продолжал затягиваться сквозь кашель. Все стало ясно. Эти существа были очень могущественными паразитами, способными управлять сознанием человека. И вся комната была наполнена ими... Мне стало действительно не по себе. Жестами я спросил чего хотят эти хозяева паразитов. Те опять покосились на мою пряжку. Я кивнул на пустые коробочки, девочку и на моих людей. Но они указали лишь на коробочки и мужчин. Я дал понять, что не согласен. Потом указал на пряжку и на людей с девочкой. Но в ответ получил лишь кивок на мужчин, пустые коробочки и на этот раз было предложено несколько коробок с существами. Я не согласился. Эти существа были мне ни к чему. Хотя я и был торговцем и гонялся за выгодой, но торговать чем-то столь нехорошим было против моих правил».

«Поняв, что я не соглашусь на их условия, мужчины посмотрели друг на друга. По какому-то свистку вдруг из-за их спин вылетели две твари красного цвета, они прыгнули на мою голову, и тут же мой разум словно помутнел».

«Очнулся я через несколько часов на холодном полу с ужасной головной болью. Пряжки не было, не было и шкуры, которую она удерживала. Рядом со мной сидела девочка. Она что-то мне говорила и давала пахнущую плесенью воду. Я осмотрелся. Мы были заперты в каменном погребе. В углу стоял бочонок, похожий на винный. Вверху виднелось все еще розовато-медное небо. По стенам и потолку гнездились твари, излучавшие различное свечение. Как потревоженные насекомые, роились они повсюду, цепляясь за каменные выступы желтоватых сырых стен. В углу сидел еще один из моих людей. Я сквозь страшную боль подполз к нему. Тот уже был бездыханным. Смятение. Злоба. Страх... Как еще можно было назвать те эмоции, которые я испытал, глядя на труп товарища? Погруженный во внезапно нахлынувшие чувства, я почти забыл про то, что происходило вокруг. Но резкие движения по стенам вернули меня назад. Сознание прислушалось к тому, что говорила девчушка. «Я не успела. Он в припадке выпил что-то стоявшее на полу в закупоренной бутылке, по всей видимости, старое перебродившее вино, превратившееся в уксус, оставшееся от этого» – рукой она указала на еще одни человеческие останки, лежавшие на полу.

«Почему он не тронул тогда вино из бочонка?» – спросил я. Девочка отвела глаза. «Ну, говори!» – приказал ей я, хотя уже догадывался об ответе. «Вы оба были одержимы, стали драться за бочонок. Вы, Дагон, победили...» Я сел и закрыл лицо руками».

«Все. Вот оно. Я убил одного из своих друзей за вино. Сколько храбрых ребят погибло из-за этого проклятого напитка... не счесть. И вот теперь смерть дошла и до меня. Смерть не физическая, но духовная. Я был фактически умерщвлен осознанием тяжести своего преступления. Горячая волна стыда, горечи и вины уксусной кислотой теперь шла через меня, как шел настоящий уксус по пищеводу друга до этого. Только... она не могла убить... к сожалению».

«Им можно противостоять» – внезапно сквозь пелену мыслей как лечебное снадобье заговорил детский голос. В нем было сочувствие, прощение, надежда. Я начал прислушиваться к тому, что он говорил: «Когда в меня вселился один такой, я начала слышать его волю как свою, как будто меня ждала большая радость, облегчение. Я постаралась сопротивляться. Тогда он разъярился, выворачивая тело наизнанку, против воли заставляя что-то искать. Казалось, будто мой разум вынули из тела и тащат его по комнате, а тело при этом кричит страшным голосом. Но я внезапно поняла, что он разъярен из-за того, что теряет контроль. Значит, я могу этому противостоять. Тогда разум полностью вернулся, и я вытаскала существо из своей головы. Думаю, из-за этого меня и не хотели отдавать».

«А почему они сейчас меня не трогают?» – задал я вопрос.

«Боятся. Сперва эти твари ссорились, кто будет на вас паразитировать. То существо, которое сидело в вас, защищало свою территорию. А потом, когда вы напились и заснули, я вытащила его. Теперь оно на стене» – она указала на особо крупную красную тварь. Она поднабралось плоти по сравнению с остальными, но выглядела очень голодной. У нее не было лапы. «Я когда вытаскивала, оно не хотело вылезать, и у него оторвалась кисть».

Я сидел пораженный. Сила воли этой девочки оказалась сильнее воли двух взрослых мужчин. Искренне поблагодарив ее за чудесное спасение, я впал в своего рода беспамятство, словно мой мозг искал способ уйти от реальности. Тошнотворное, гадкое чувство червем ползало по внутренностям. Словно пыталось отрицать мою причастность к смерти члена команды. Я смутно догадывался, что мог и управлять собой в то время. Только верить в это не хотелось. Помню, как взгляд тщательно старался игнорировать мерзость на стенах и невольно был притянут к решетке на потолке. Небо сделалось пунцовым. Тяжелые темно-перламутровые облака быстро перемещались по небосклону. Собирался дождь.

А тем временем Лиид как маленькая птичка рассказывала мне, что она узнала за то время, пока сидела в ожидании помощи. «Помните, капитан, тот вкуснейший запах, исходивший от домов в поселении? Так вот, исходил он от медных листьев на крышах. Из этих листьев делают порошок, который отпугивает тварей, называемых Порроками. Я видела, как мужчины, похитившие меня, его перетирали и потом пугали существ ради забавы».

Наконец в камеру спустилась ночь. После обильного ливня, шедшего остаток дня, на полу скопилась целая лужа воды. Нам пришлось влезть на бочонок, чтобы не намочить. Труп, погруженный почти до сомкнутых глаз в дождевую воду, одиноко торчал камнем с черными волосами, колебавшимися как тина на болотной кочке от движений воды. Хотя дождь уже прекратился, было холодно. Из рта шел пар. Он клубился от дыхания. И поднимаясь вверх, за миг до исчезновения, окрашивался слабым светом тварей в разные цвета. Порроки нерешительно зависли возле нас, сиротливо сбившись в кучу над головой, но нападать не решались.

Кто породил их? Кто обрек на такое существование?... Задвижка снаружи была снята и дверь приоткрылась. Я резко, как по команде, осел в воду, опрокинув голову на бочку, и притворился спящим. Послышалась ругань – при открытии плотной двери камеры вода из помещения хлынула на пришедших холодным потоком. Потом внутрь зашли трое рослых мужчин. Сперва они угрожающе выставили вперед кинжалы и стали сыпать медный порошок, но потом быстро расслабились. Обнаружив, что один из нас был мертв, люди взяли меня под локти и выволокли вон. Лиид повели вслед за мной.

Вероятно, каменные пещеры в известняке, служившие нам местом заключения, были подарком местной природы. Податливая порода позволяла адаптировать пространство для нужд обитавших здесь людей. Я предполагаю, что здесь именно жили местные люди – я видел множество дверей и несколько больших пустых помещений с лавками по стенам, служившими, вероятно, для мест общего сбора.

Постепенно дорога сделала крюк вправо, и мы оказались в центре огромной полости в известняковом массиве. Посередине горел костер. Вокруг и вверху, на выступах в стенах и вдоль стен, толпились люди – мужчины и женщины.

Я присмотрелся и отметил одну очень странную вещь. Как я уже говорил, у местных жителей, в основном, были очень слабые ноги с рудиментарными перепонками. Такая конституция означала, что они должны были, великолепно плавали. Лазанье же по скалам в силу строения мышц, вероятно, давалось им с трудом. У людей же вокруг (я их про себя называл продавцами) ноги были очень крепкими. Полагаю, что именно благодаря этой особенности они смогли захватить прекрасные места, где раньше, вероятно, гнездились лишь Порроки. Хотя возможно, они представляли собой другой подвид или иную расу местных людей.

Больше того, эти люди сумели подчинить себе опасных созданий, распыляя порошок, который заставлял Порроков впадать в оцепенение. И таким образом, продавцы смогли их контролировать, напускать на недругов и продавать жаждущим корысти или мести. Поскольку существа в коробочках были слабыми, я решил, что Порроки не могут долго существовать без носителя, поэтому нужны были мы, жертвы – чтобы прокормить их. Я полагаю, что когда количество жителей пещеры увеличилось, то страх перед ними подавил все возмущения со стороны остальных представителей местного людского рода. Имея такое средство манипуляции, жители пещер стали почти непобедимыми. И теперь нас вели на публичный пир порроков».

Внезапно дети услышали кашель – Шуе, про которую все уже давным-давно забыли, зашевелилась на своей постели. «Уже темно» – прокряхтела она. «Пора всем спать, да и человек пускай отдохнет, он все-таки еще слаб».

Ребятишки не стали протестовать, у многих из них уже смыкались глаза. Сонно они разбрелись по своим домам.

Глава 6. Карта и казнь

В деревушке шли первые дни весны. Зима нехотя начала сдавать свои позиции. Тоска, что шаталась повсюду, стала совсем прозрачной, и ее больше никто не замечал. Седые ветра улетели прочь в дальние края, уступив место молодым сквознякам.

Сегодня был особый день. Пришлый человек обещал показать, как работают его карты. С утра в центре села на сером ноздреватом льду толпились женщины и дети. Кто-то притащил барабан, сделанный из молодого ствола клена, на который был натянут бычий пузырь. По сторонам инструмента болтались два шнура с деревянными наконечниками, которые при поворотах руки ритмично ударялись о пузырь, издавая приятный звук. Наконец из своего дома вышла Шуе, а с ней и мужчина. Вождь, который наблюдал за хижинной старушки, тоже быстро выдвинулся к центру деревни, чтобы не оскорбить шаманку.

Солнце вошло в зенит, отражаясь от грязного снега, весело искрившегося на пожухлой траве. Сперва Шуе провела обряд весеннего объединения и примирения. Она жгла сухую ароматную траву, перемешанную с прошлогодними кленовыми листьями, потом развеивала пепел по ветру, и давала каждому испить горячего молока со мхом. Затем Дагон вытащил из своего скарба металлический шар, провел пальцем по символам, и шар распался на четыре дольки. Одна долька оказалась мериллом, она имела некоторые зазубрины, которые были расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Вторая долька оказалась кольцами, которые были расположены одно над другим. Их Дагон переместил на мерилло. Третью дольку он не тронул, она была похожа на дощечку с уродливым рисунком из черных капель и металла, а четвертую, что была стеклом, он перевел под первую. И, внезапно, перед всеми показалась необыкновенная картина. Карта собрала створки и воспарила примерно в полуметре над землей. Затем она стала издавать странные, протяжные, едва уловимые пульсирующие звуки. По траве пополз серый туман, от которого люди бросились в разные стороны, а затем показалась вода. Она плескалась волнами, по которым шла рябь от ветра. Младший сын вождя, Чоки, осторожно подошел к воде. Дагон нанес на руку странную мазь и кивнул. Мальчик протянул руку к воде и, на несколько мгновений, рука исчезла в сером тумане. Потом она появилась как будто сама по себе в одном сантиметре от воды и окунулась в нее. Чоки улыбнулся: «Теплая!». Он потянул руку обратно, и через несколько мгновений, кисть снова была на прежнем месте. Она оказалась мокрой! В изумлении все смотрели на эту руку как на какое-то чудо. Потом каждый захотел прикоснуться к волшебству. Шуе была не против. Она разрешила всем желающим дотронуться до воды. Вода была теплой и солоноватой на вкус. Потом капитан в обратном порядке вернул все части карты на место, и вода исчезла.

Шуе подняла руку вверх, и все смолкли. «Дети Веетарала, древнего рода людского! Сегодня вы узрели чудо. Чудо, созданное не нами и не нашими предками, но иными... Потому оно крайне опасно для человека непосвященного. Великое множество земель открывают эти карты. И там живет великое множество очень могучих племен. Это грозит большой бедой!». Казалось, сейчас шаманка обращалась к вождю, надежда которого, горевшая во взгляде, теперь исчезла, оставив лишь матовую тень в почерневших глазах. Он повернулся и ушел.

Шаманка тоже, опершись на пришлого, тронулась к своей хижине. По дороге она сказала: «Дагон, как следует следи за своими картами. Боюсь, бед люди наделают с ними. Эти мужики как отроки!».

А за капитаном уже стайкой вились дети, взрослые отправились кормить коз и прибираться по дому. Хотя многие маленькие слушатели не понимали сути происходящего, они жаждали продолжения волшебного рассказа.

Дагон и Шуе вошли в хижину. Ребятишки остались стоять у порога – их не пригласили внутрь. Число детей заметно прибавилось, теперь их была уже целая стайка. Те, кто зимой

был слишком мал, чтобы прибегать, сейчас стояли, прижимаясь к старшим братьям и сестрам, застенчиво поглядывая друг на друга.

Наконец дверь открылась второй раз за день, и Шуе впустила малышей внутрь. Ребята, не долго думая, уселись рядком на пол, выставив поближе к очагу совсем маленьких. Капитан, приняв чашку с отваром из зверобоя, дикой мяты и листьями боярышника из рук колдуньи, тоже сел у очага. Сама старушка легла на свой тюфяк отдохнуть – после обряда она устала. Вскоре из угла, где она лежала, донёлся лёгкий храп.

Спустя несколько минут молчания, которое никто не осмелился нарушить, Дагон заговорил. «Кажется, я остановился на том месте, где нас повели на казнь...». Старшие дети согласно закивали головами. «Так вот, пройдя через длинные коридоры, нас вывели в огромное помещение, полость пещеры, где посередине горел большой костер, освещавший своды. Вдоль ступенчатых выступов стен, вверху, сколько хватало глаз, толпились люди. Сейчас они особенно напоминали порроков».

«Забил большой пульсирующий барабан, который скорее был похож на уродливый кокон с венозными прожилками, светящимися изнутри. Бум...бум...бум...бум! На середину вытолкнули девять связанных людей. Они жались друг к другу спинами, дико озираясь вокруг. Это были, по всей видимости, местные жители, Однако одежда на них была немного странной для этого края – шляпы были не остроконечными, а шарообразными. А одежда была длинной и не прозрачной. Пять женщин и четыре мужчины сейчас тряслись крупной дрожью, глядя на барабан, который отбивал ритм все громче и быстрее. Толпа вокруг тоже возбуждалась все больше и больше. Только теперь я заметил, что у хозяев пещеры не было остроконечных или круглых шляп. Головы их были совершенно открытыми, лишь короткие густые волосы защищали их. Сейчас странная особенность их черепов не была так сильно заметна как у старушки на берегу. Народ тут был молодой, крепкий, стариков видно не было. Наверно, им было не пробиться вперед через своих сильных детей».

«Внезапно в пещере наступила тишина. Из самого брюха кокона вылетело около сотни новорожденных порроков. Сдувшийся кокон осел. Теперь стало ясно, что это была голова какого-то бедолаги. Точнее то, что от нее осталось. Я присмотрелся – это был мой человек, один из двух матросов, что лежали в хижине продавцов. Стало понятно, почему у местных жителей были странные черепа – почти каждый из них перенес заражение. Но медные листья на домах позволяли излечиваться от этих тварей. Продавцы же вовсе не заражались. От того и головы их были самыми обычными.

Было очевидным одно – нам срочно нужно было спастись. Тем временем в воздухе разыгралась настоящая схватка за людей-жертв. Маленькие существа сражались между собой, многие уже валялись на земле, померкнув и одеревенев. Толпа ликовала – они делали ставки, гадая, какие из новорожденных выживут. Наконец, все жертвы были заняты. Теперь они потерянно смотрели по сторонам. Их увели».

«Из другого конца зала вытолкнули моего конопатчика Верака. По всей видимости, из него извлекли поррока, поскольку сейчас он мужественно кивнул мне головой, и, сжав челюсть, вышел на середину арены. Толпа притихла, присматриваясь к новому объекту ставок».

«Я рванул к нему, но меня крепко держали веревки. Снова забили барабаны. Стена, казавшаяся глухой, поползла вверх. Для местных это казалось почти чудом. Но я заметил рычаг, который один из стражей перевел наверх. И вот, из огромной черной дыры в стене на маленьких крыльях вылетел гигантский поррок. Он был около трех метров ростом, с кабаньим рыльцем и маленькими тупыми глазками, которые то и дело разбегались в разные стороны. Казалось, у него было множество ребер, похожих на ребра животных. Однако это существо имело качественно иную природу. Только имитируя живой организм, оно могло размножаться в материальной части жизненного спектра. Мой матрос присел, и как только поррок кинулся к нему, метнулся в другой угол. Чудовище влетело в одного из стражей. На того тут же накину-

лись остальные стражники, посыпая его заветным порошком. И в этот момент я увидел тархе, которая махала нам. Почувствовав, что ноги свободны, мы ринулись вслед за ней через всю арену. Никто не успел ничего понять, как Верак и Лидия ворвались в дыру, из которой вышел поррок, скрывшись из виду в ее недрах. Тархе, вспыхнув, выжгла рычаг, после чего едва заметным огоньком метнулась к нам. Гигантская каменная дверь за нами упала в пазы и оставила нас одних в кромешной темноте.

Глава 7. Потерянные в темноте

Было неясно, есть ли отсюда выход. Васта едва горела, как светлячок в ночном лесу, и вскоре погасла – она отдала весь свой огонь на вспышку. Я присел к стене. Нужно было привести мысли в порядок. Чувствуя прохладу камня, я слышал отдаленный шум толпы. Люди что-то кричали в панике.

– Дагон, что будем делать? – послышалось в темноте.

– Пока не знаю, – ответил я, – думаю, у нас есть пара часов, прежде чем они починят этот рычаг. Надо обследовать помещение, может, здесь есть выход.

Я приподнялся. Голова не касалась потолка. Верак предложил считать шаги. Я пошел в право, он влево.

Прошло, вероятно, не очень много времени, прежде чем я наткнулся на своего товарища. Я насчитал семьдесят шагов. Он насчитал пятьдесят три. Итого было сто двадцать три шага. То есть, около семидесяти-восьмидесяти метров. Никакого подобия двери или тоннеля не было. Мы снова сели. Тархе и Лидия спали.

– Верак! – тихонько позвал я.

– Да, Дагон, я здесь. – был ответ.

– Пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Если со мной что-то случится, ты обязательно доставишь девочку до места, куда ей нужно. Она спасла мне жизнь.

– Хорошо, если выберемся отсюда, я буду предан ей до конца.

Я кивнул в темноту и сел. О грудь ударилось что-то холодное. «Медальон.» – подумал я. «Глупая бесполезная вещь. Никакого толку от него».

Одни в темноте... что может быть хуже? За стеной смолкли голоса. Я дотронулся до медальона. Здесь было душно, но он оставался холодным. Не отдавая себе отчет в том, что я делаю, я стал поглаживать его пальцами, прощупывая символы на крышке. Холодная ложбинка круглого узора скользнула по подушечкам. Круг в центре медальона едва различался в темноте. Я стал присматриваться к нему, пока не понял, что вижу и свои пальцы, а, затем, и руку. Медальон разгорался все ярче, испуская легкое голубоватое свечение.

Рядом зашевелились остальные. При этом тусклом освещении их глаза светились ярко-зеленым зеркальным светом, от чего они походили на странных животных ночного леса. «Капитан?» – позвала меня девочка. «Я вас вижу! Это чудо! Что это?». «Медальон» – ответил я.

Свет, тем временем, разгорался все ярче, пока, наконец, не стало видно всю пещеру от края до края. Около дальней стены виднелся вырез в камне – оттуда мы пришли. Больше никаких входов или выходов не было.

Внезапно Лиид сказала: «Вы чувствуете запах? Он такой же, как и из домов на берегу. Он идет вдоль стен. Вероятно, поррока здесь удерживали именно с помощью него. Но порроки существа, практически, бесплотные, значит, просто намазать стены порошком недостаточно, иначе под контролем эту тварь не удержать. Стучите по стенам!».

Я подобрал камень. Размахнулся наугад и ударил в стену. Через пробоину хлынул порошок, искрившийся в свете медальона. Окрыленный удачей, я быстро снял рубашку и кинул ее под струю. Мой друг сделал то же самое.

«Что вы делаете?» – воскликнула девочка – «Не время думать о наживе! Ломайте стену дальше!». Но я, ослепленный перспективой прибыли, которую принесет этот порошок, продолжал собирать его, пока, наконец, моя рубаха не была наполнена до отказа. Только тогда я аккуратно завязал ее и оттащил в сторону. И тут меня осенило. Это же то средство, которое

нас может в дальнейшем защитить. «Быстро, все, сыпьте на себя это вещество!». Мы стали обсыпать себя, пока тела, одежда и волосы не стали мерцать.

После этого мы продолжали ломать стену с удвоенной силой. Известняковые породы легко крошились под нашими ударами. Оказалось, что Лиид была абсолютно права – эта комната была с полыми стенами, в которые хозяева темницы насыпали порошок, чтобы удерживать порроков. Проработав несколько часов, мы, усталые сели на пол. В стене появилось не очень внушительных размеров углубление. После первого успеха ломать стену стало гораздо сложнее – кроме первой полости для порошка стена в других местах была абсолютно глухой. Голод и усталость давали о себе знать. Я едва держался на ногах. Рядом со мной маялись остальные. Им тяжело было уснуть на пустой желудок. Сколько мы продержимся тут?

«Мне кажется,» – вдруг снова заговорила девочка – «мы не там ломаем... Ведь порошок откуда-то насыпали. Значит, он сыпался вниз. Я думаю, надо пробивать потолок».

Верак поднялся. Его трясло. Крупные капли пота струились по перекошенному лицу. «То по стенам стучать, теперь по потолку. Может, крылья еще прикажешь отрастить? Мы обречены сдохнуть в этой дыре!». Он пнул стену.

«Успокойся, Верак! Это из-за застойного воздуха голова кругом. Девчонка права, надо бить в потолок. Просто, прежде чем мы начнем ломать, надо его сперва простучать» – вмешался я. Верак выпрямился. Его все еще трясло, но помочь согласился.

Потолок здесь был почти в полтора человеческих роста. Было решено, что один из нас сядет на плечи другому, потом будем меняться местами. Медальон немного мешал, но я не решился его снять.

Первым простукивать начал Верак. Мы двигались из угла к центру. Медленно и осторожно. Я старался меньше дышать. Мой товарищ придерживался одной рукой за потолок, а второй методично стучал по камню. В центре он спрыгнул вниз. «Я ничего не понимаю, здесь все вроде покое». «Надо искать как раз то, что покажется глухим» – объяснил я – «есть вероятность, что это будет то место, в которое и насыпали порошок. Звук там выйдет наружу и не отразится от стен». «Нет» – вдруг сказала Лидия – «Стучите по потолку где придется, лучше в нескольких местах. Когда порошок высыплется, мы, возможно, увидим свет и по нему ориентируемся». «А если там будет темно?» – спросил я. «Тогда хотя бы воздух свежий пойдет» – пожал плечами Верак.

Я взобрался к нему на плечи и со всей силы ударил камнем в потолок. Потом снова. В глаза посыпался мел и, следом, на голову знакомый порошок. Его запах теперь стал казаться удушливым. Моя «опора» передвинулась на пять шагов влево, и я снова ударил, вложив в удар всю мощь. Хлынула искрящаяся пыль. Верак внезапно осел от потока и кашля, уронив меня на землю. Медальон погас. Темнота поглотила наши тела. Мы боялись дышать. Но по мере опорожнения полости канала с порошком, в темную обитель пробился слабый свет. Он шел с потолка. Едва различимый, он лился рассеянными, почти осязаемыми струями как солнечные лучи пробиваются сквозь бурю.

За стеной снова были слышны голоса и легкие удары. Быстро посоветовавшись, мы стали по очереди бить в место, находившееся в четырех шагах от центра, и вскоре над нами засияло отверстие, достаточно крупное, чтобы в него пролез человек.

Верак передал мне девочку, которая поднялась сначала по его рукам, а потом по моим. Она осторожно выпустила тархе, а затем высунула голову сама.

«Здесь никого нет!» – раздалось над головой. Ослабленные, с большим трудом выбравшись, мы оказались в небольшом помещении, похожем на загон для кур, с одной решетчатой дверью, запертой на засов. Сквозь прутья решетки на нас смотрело предраассветное небо. В воздухе стоял аромат местного тимьянника. На бедре моем болтался мешок с порошком от порроков, а на сердце было легко как никогда. Я подергал за дверь, она держалась крепко. Было видно, что стена укреплена камнями, а сама решетка двери крепилась на металлических

путьях, входивших в стены с четырех сторон. Разбежавшись, мы с Вераком ударили дверь ногами. Она отскочила как от пушечного выстрела. Путь был открыт. И как раз вовремя. Снизу раздавались крики, и бил жидкий свет факелов. Недолго думая, мы выскочили из места нашего заточения и пустились бежать по горному хребту.

Пробежав несколько километров бегом, и пройдя еще несколько шагов вдоль склона, мы, наконец, остановились. В рассветных лучах солнца нашем взорам предстало море, грациозно волновавшееся у подножия скалы. В сотне метрах от берега Ахе нашла каменный выступ, который представлял собой помещение из нескольких валунов, закрытое с трех сторон и прикрытое сверху. Мы натаскали туда травы и камней и спрятались внутри, плотно прижавшись друг к другу. Резкий запах из наших импровизированных мешков стал казаться очень душным после ночи, проведенной в заточении в темнице без окон и дверей, поэтому их мы спрятали снаружи, забросав ветками иссопа с маленькими голубыми цветками и ароматным норичником.

После всех этих нехитрых приготовлений мы решили поспать.

Глава 8. Возвращение на корабль

Но нам было суждено закрыть глаза лишь на пол-часа. Через каких-нибудь сорок минут солнце лизнуло камни, легко раскалив их, и наше дальнейшее пребывание там сделалось нестерпимым. Покинув место привала, мы откопали груз, с трудом отогнав стайку местных бабочек, похожих на шашечниц, поедавших норичник. Насекомые щекотно садились на руки, что вызывало легкий зуд.

Солнце поднялось очень быстро, и теперь припекало головы. Мы шли вдоль берега. Скучная трапеза, съеденная во время привала, хоть и состояла из плодов полусохшего, покрытого лишаем, местного растения, немного вернула нам силы. Пока Лиид и Ахе ели, мы успели разработать план похода, и теперь негромко обсуждали его детали.

Девочка и тархе шли молча. Казалось, они не видели перед собой ни желтых, похожих на свечки, цветов льнянки, ни пушистых зонтиков таволги. Взгляд их был прикован к извилистой тропе, ведущей нас вдоль берега чужого моря.

И тут я заметил в глазах Лиидии слезы, блестящие на щеках. Мне стало так невыносимо стыдно перед ней! Как я мог втянуть в это ребенка? Я ведь знал, что другие миры могут быть опасными! Мои уши полыхали как от огня.

Я подошел к девочке. Она посмотрела на меня молча, но не стала укорять или жаловаться. Только невыносимая тоска стояла в глубине ее глаз. Лучше бы она кричала на меня, проклинала или грозилась убить, но только не горестное молчание, повисшее над нами.

«Я помогу, чем сумею в поисках твоего брата, я обещаю» – сказал я. Она лишь кивнула в ответ и шла дальше.

Когда сумерки опустились на меловую долину, мы были в глубине материка. Теперь следовало быть очень аккуратными – здесь резко усиливался запах вещества против порроков. Пройдя еще несколько километров, мы остановились посреди поля усыпанного цветами, доходившими нам до пояса. Растения эти имели похожие на метелки камыша соцветия, только все они венчались мелкими цветками нежно сиреневого цвета. Листья на них были крупными и отливали медью. Всем стало ясно, что именно эти растения и становились панацеей от порроков.

Вдалеке слышались голоса – местные женщины вышли на жатву. Я, недолго думая, сорвал несколько колосков и спрятал их за пазуху. Руки сильно чесались. Вероятно те бабочки, которых мы с Вераком согнали с поклажи, были ядовитыми. У моего друга тоже начиналась чесотка. Я дал команду пригнуться, и мы все в полусогнутом положении стали продвигаться через поле. Через некоторое время трава стала выше, можно было свободно идти сквозь нее незамеченными. Только теперь не было видно дороги, и мы несколько потеряли направление, заплутав в пахучем лабиринте.

Лишь к ночи нам удалось выйти из бесконечных зарослей. И тут судьба сделала подарок. Мы вышли прямо к реке. Мучимые жаждой уже несколько дней, наши разумы едва понимали, что делают. Забыв все предосторожности, кинулись мы к живительной воде. Она оказалась дивно прохладной. Зудевшие руки с благодарностью принимали облегчение.

Вдоволь напившись, все сели на берегу, и жизнь стала казаться легкой. Но голод все же брал свое. Сначала попробовали пожевать сиреневые колоски, но они оказались горькими. Это было все равно, что жевать любую несъедобную траву. Тогда Лиид вяло предложила отведать корни этих растений. Она объяснила, что у них едят корни камышей, точнее, делают из них муку.

Корневища действительно оказались съедобными, с выраженным крахмальным привкусом. Съев с десяток корешков, наш отряд отправился вниз по реке, в надежде увидеть берег

моря. Люди плыли, а тархе сидела верхом на мне, потому что мы боялись, что если она повиснет огоньком, нас могут легко обнаружить.

Плыть по течению было легко. Несколько раз я как-будто задевал что-то ногой, но это, вероятно, были местные рыбы. От реки поднимался легкий пар, который стлался низко вдоль воды, ложась сгустками в корягах, преданно охранявших эти воды. Высоко в небе светили чужие звезды. Справа открылась песчаная отмель, окаймленная густой порослью.

Внезапно впереди что-то показалось. Тихо толкнув остальных, я кивнул сперва на приближавшийся объект, потом на берег. Все молча вылезли из воды и присели в зарослях произрастающих на берегу кустарников.

Объект, плывущий вдоль течения, оказался лодкой. В ней сидели трое рослых мужчин. Двое гребли, а третий всматривался в темную даль. У меня начали снова зудеть руки, и я с ужасом обнаружил, что с них стала сходить кожа.

Внезапно тот, кто был на корме, подал знак, и гребцы остановились. Потом они так же в молчании приблизились к нашему берегу. Мокрые, мы боялись пошевелиться. Подул ветер, и сделалось очень холодно. Мужчины, тем временем, вылезли на песчаную отмель, привязав лодку к покрытой лишаям коряге, торчавшей из кустов. Ветер относил их слова в сторону, и не было слышно, что они говорили. Но вскоре загорелся приветливо костер, и раздался дивный запах жареной рыбы. Мы были очень голодными, но высовываться было слишком рискованно – это могли быть наши преследователи или еще какие-нибудь местные разбойники, а мы были слишком слабы, чтобы сражаться. Поэтому оставалось только сидеть мучимыми завистью к ужинавшим с осознанием собственной беспомощности. Я, признаться, в тот момент чувствовал себя особо несчастным. Мне было очень жалко себя и своих товарищей, которые старательно отворачивались от людей на берегу.

Наконец, трапеза была завершена, и незваные гости встали. Один из них сначала хотел забросать костер песком, но потом внезапно остановился. Он что-то сказал своим товарищам, и те подошли к нему. Вместе стали они двигаться в нашу сторону. Ошибки быть не могло, наши следы были обнаружены. Убежать по острым густым зарослям, которые сейчас служили укрытием, представлялось невозможным. И я видел только один выход – внезапно атаковать.

Когда преследователи зашли за линию кустарника, я, молча, кинулся на одного из них, выбив его на открытый песок. Лицо его озарилось огнем... «Рийто!» – воскликнул я что было мочи. «Ты ли это, дружище?!». «Дагон! Конечно я!» – был ответ. Я слегка толкнул его в грудь: «Слезь с меня, здоровяк, а то задавишь!».

Мой огромный рыжий заместитель Рийто, смеясь, встал на ноги. Остальные, видя, что опасность миновала, тоже подошли к нам и, улыбаясь, смотрели друг на друга. Мы не верили своим глазам. Только что враги, преследователи и мучители, теперь они были милее всего нашим сердцам.

Ужин было решено повторить, благо, что запасов у друзей оставалось еще на одну трапезу. Во время того как мы уплетали жареную рыбу, жир текший по локтям, вызывал неприятные ощущения на кровотокающих руках и восхитительные чувства в желудке. Рийто поведал нам об их поисковой кампании.

«Когда вы вошли внутрь, Каталю стукнули чем-то тяжелым из-за спины. Он очнулся какое-то время спустя и обнаружил, что вас забрали из хижины продавцов. Тогда он вернулся на корабль, чтобы вызвать подмогу. Я, как заместитель капитана, приказал спрятать корабль за скалами к востоку от порта. Но там оказались рифы, и днище немного потрепало. Дагон, не волнуйся, к тому времени как мы вернемся, там все починят».

«Сначала мы пробовали спрашивать у местных, но у этих аборигенов ничего не допросишься. Они только убегают кто куда, как пеструшки. Один даже в море бросился. Мы хотели его выловить, но, куда там! Наверно сразу ко дну пошел, у них же вон какое тело, не как у нас. Нет. Тяжелее наверное».

Рийто, конечно, ошибался. Тело этого народа, напротив, было словно создано для плавания. Но я промолчал, а Рийто продолжал: «Потом мы сели в лодку, проплыли ночью через залив и дальше на запад, там...э, скалы были высокие, но устьев рек не было. Первая река попала только на рассвете. Мы вошли в пологое устье, и погребли вверх по течению. Гребли-гребли. Потом к реке присоединился справа приток, мы вошли в него. На третий день практически непрерывной гребли мы и встретили вас».

Я и мои друзья слушали этот рассказ, раскрыв рты. Какова была вероятность, что они нас найдут на лодке в темноте на чужом острове, да еще и так быстро? Я видел только одно объяснение – медальон. И мне стало снова горячо на сердце от стыда, что я нарушил уговор. Но тут Рийто заметил, что с нашими руками что-то не то, и отвлек меня от мыслей своими хлопотами».

Тут Дагон прервался. Он посмотрел на детишек, глаза которых округлились и остекленели – в этот момент в их головах отважный капитан поглощал пищу на берегу. Мужчина усмехнулся. «Ну все, на сегодня хватит, уже ночь на улице. Я вас весь день развлекаю тут. Ну, чего сидите? Быстро, быстро по домам!». Как напуганная стайка воробьев, ребяташки пустились прочь из хижины.

Глава 9. Шторм

Весна отвоевывала с каждым днем все больше и больше территорий. И вот потекли ручьи, которые вскоре высохли, оставив вокруг только зеленые ростки. В воздухе пахло кострами – люди жгли мусор, ветки, оставшиеся после схода снега. Дагон теперь был занят с другими мужчинами на полях. Они вспахивали землю, вместе с тощими коровами впрягаясь в плуг; гоняли овец далеко-далеко на юг, где луга уже покрылись пышной растительностью; пели веселые песни, танцуя по ночам у огня.

Вскоре и лето сменило весну. На вязах шелестели листочки. На высоких соснах, что окружали деревню с севера, долго и заливисто пели крапивники. Они носились с куста на куст в поисках пауков и насекомых.

Самая тяжелая пора была позади, и теперь детишки после выполнения своих обязанностей, собирались неподалеку от домика Шуе. Колдунья же только посмеивалась над ними, проходя в хижину то с горшочком фильмйолка³, то с восхитительной кровяной колбасой.

Однажды Шуе не было несколько дней. Сквозь щели в двери ребяташки видели как капитан мел пол, зажигал огонь, но внутрь их и не приглашал.

³ Кисломолочный продукт, похожий на классический йогурт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.